

Пенской Виталий Викторович,

д. и. н., профессор кафедры теологии

Белгородского государственного университета (Белгород)

РУССКАЯ СМУТА НАЧАЛА XVII В. — ЛОКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ИЛИ ЧАСТЬ ОБЩЕМИРОВОГО ПРОЦЕССА?

Поводом для написания этой короткой статьи-размышления стала фраза Г. Кенигсбергера, который, говоря о переходе Европы средневековой к Европе Нового времени, произнес, что «варварские нашествия положили конец существованию античного мира. Конец Средних веков не отмечен подобными драматическими событиями» (Кенигсбергер Г. Европа раннего Нового времени (1500–1789). М.: Весь Мир, 2006. С. 17). Формально историк прав — Европа в конце Средневековья не подвергалась нашествиям варваров (турки-османы, какими бы они ни были сильными противниками, все же не затопили Европу подобно германцам в V в.). Однако если задуматься, так ли уж безболезненно прошла смена Средневековья на Новое время? И так ли уж неправ был классик, утверждавший, что «насилие — повивальная бабка каждого старого общества, беременного новым»? Применимо ли это высказывание к событиям на рубеже Средневековья и Нового времени? Думается, что да, и для такого утвердительного ответа, по нашему мнению, есть все основания. Почему? И прежде чем ответить на этот вопрос, зададим еще несколько. Является ли русская Смута начала XVII в. явлением локальным, затронувшим только Русское государство и общество? Вызвана ли она сугубо внутренними, русскими причинами, действовавшими в ограниченном временном и географическом пространстве, или же нет, русская Смута лишь часть общемирового процесса, затронувшего значительную часть Евразии?

На первый взгляд, такая постановка проблемы представляется несколько странной и даже надуманной. Какое отношение острый внутриполитический кризис в Русском государстве начала XVII в., вызванный целым рядом как объективных, так и субъективных причин (здесь и пресечение прежней правящей династии, и проходивший с большими трудностями и издержками процесс восстановления политических, социальных,

экономических и иных государственных и общественных структур после постигшей Россию в начале 80-х гг. XVI в. катастрофы, и многое, многое другое — даже климатические изменения внесли свою немалую лепту в наступление Смуты, достаточно указать на сильнейший голод 1601–1603 гг., поспособствовавший крушению династии Годуновых), имеет к событиям в других государствах, удаленных порой от России на тысячи и тысячи километров?

Вместе с тем при компаративном подходе к изучению истории хотя бы Евразии все выглядит далеко не так однозначно, как может показаться на первый взгляд. Да, Смута, безусловно, это феномен русской истории и русского общества. Однако при внимательном анализе событий, имевших место в государствах и обществах как западной, так и восточной Евразии в XVI–XVII столетиях, показывает, что схожие явления имели место не только в России и не только в начале XVII в., но и полустолетием раньше, и полустолетием позже. Фактически перед нашим взором предстает столетие, до предела насыщенное «великими потрясениями». События, схожие и внешне, и внутренне с русской Смутой, на протяжении этого временного промежутка охватили множество стран.

Если попытаться собрать их в хронологическом и территориальном порядке и проанализировать, то складывается впечатление, что перед нами звенья единого процесса, начавшегося в Западной Европе в 50-х гг. XVI в. (хотя первым звончком будущей трагедии можно считать выступление М. Лютера со своими знаменитыми «95 тезисами» и последовавшие за этим бурные события в Германии) и завершившегося в общих чертах столетием спустя. Характеризуя атмосферу XVI в., Р. Маккенни в своем исследовании «XVI век. Европа. Экспансия и конфликт» писал, что «для XVI в. характерно постоянное смещение структурного центра тяжести — этот век отличается изменчивым балансом сил и непрестанными переменами вообще. Нет региона, который можно было бы назвать центром культурного прогресса — наподобие Италии для XV в. Ни одна модель общества не может считаться устойчивой — как произошло со «Старым порядком» (Ancien Regime) в XVII в.» (Маккенни Р. XVI век. Европа. Экспансия и конфликт. М.: РОССПЭН, 2004. С. 25). На наш взгляд, для указанного нами периода это высказывание подходит в еще большей степени. Это был действительно век больших перемен, век Великой Смуты, охватившей практически весь Старый свет, и в эти десятилетия Средневековье, умирая в муках, порождало Новое время.

Итак, вернемся к самому началу и попытаемся выстроить цепочку «великих потрясений». В 1559 г. Като-Камбрезийским миром закончились Итальянские войны, длившиеся свыше полувека. Энергия, которая раньше уходила на войну, осталась без применения. Но если Испания могла канализировать ее на освоение Нового Света и вместе с Римской империей расходовать ее на войну с турками на Средиземноморье и Балканах, то Франция, проигравшая войну, очень скоро, подобно Англии столетием раньше, погрузилась в пучину религиозных войн, длившихся с перерывами с 1562 по 1598 гг. и обескровивших *la belle France* до синевы. На востоке Европы примерно в это же время вспыхнули Балтийские войны, растянувшиеся с 1555 по 1583 гг., т. е. больше чем на четверть века (Филюшкин А. И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв. М.: Квадрига, 2010. С. 93). Россия, проигравшая эти войны, вышла из них обескровленной и истощенной. Анализируя итоги правления Ивана Грозного, британский историк Дж. Хоскинг писал, что «правление Ивана раскрыло в драматической и даже страшной форме всю парадоксальность попыток создать мировую империю на незащищенной и неблагоприятной земле северо-востока Европейской равнины. В военном плане Московия становилась ведущей державой. В экономическом — была весьма многообещающей благодаря своим богатым людским и территориальным ресурсам (хотя это утверждение по отношению к России XVI и даже XVII вв. довольно сомнительно. — *В. П.*). Однако уровень ее технического развития оказался слишком примитивен для мобилизации всех этих ресурсов, а расслаивающаяся, ограниченная и патримониальная природа унаследованной Русью социальной структуры препятствовала объединению ее сил...» (Хоскинг Дж. Россия и русские. Т. 1. М.: ООО «Изд-во АСТ», ООО «Транзиткнига», 2003. С. 156). С этим утверждением можно поспорить, однако представляется, что главное подмечено им достаточно точно — молодое Московское царство надорвалось в попытке поднять оказавшийся неподъемным для себя имперский груз. Стремление выиграть Ливонскую войну при продолжении противостояния с Крымом, обострение которого приходится как раз на время правления Ивана Грозного, ускорило наступление в России всеобъемлющего политического, социального и экономического кризиса. Его последствия полностью преодолеть так и не удалось, и в начале XVII в. произошел взрыв, поставивший страну на грань гибели.

Однако это было только начало. В 1566 г. вспыхнуло восстание в Нидерландах, положившее начало 80-летней войне между мятежной Голландией и Испанией. И эту войну Испания выиграть не смогла, более того, борьба сразу на нескольких фронтах обескровила Испанию также, как Россию несколькими десятилетиями ранее. Следующей на очереди оказалась османская Турция. Неудачная война с Римской империей вынудила султанское правительство пойти на жесткие меры по наведению порядка в армии (см., например: Петросян И. Е. К вопросу о социальном составе джелялийской смуты // Тюркологический сборник 2005. М.: Восточная литература, 2006. С. 284–285). Результатом этих мер стали волнения 1596 г., быстро переросшие в настоящую гражданскую войну — «Джелялийскую смуту», подавление которой стоило Стамбулу огромных усилий и жертв. Примечательно, что многие черты турецкой смуты находят параллели в русской Смуте, случившейся несколькими годами позднее.

1604 г. — начало той самой русской Смуты, которая закончится спустя почти полтора десятка лет, надолго выведя Россию из числа если не великих государств, то, по крайней мере, государств, с чьим мнением считаются. И можно предположить, что если бы не Смуты, то и Речь Посполитая в начале XVII в. имела все шансы оказаться в глубоком политическом и социально-экономическом кризисе. Однако участие в самозванческих авантюрах и последующая интервенция позволила польско-литовской элите отсрочить наступление «Потопа» на столетия.

Все это время Римская империя находилась в стороне от этих конфликтов, однако чаша сия не миновала и ее. В 1618 г. началась Тридцатилетняя война, ставшая подлинной национальной катастрофой для Германии. И не успела эта война закончиться, как в 1642 г. началась английская Смуты, «долго вызревавшая, запоздавшая на 20 лет по сравнению с лихорадкой континентальных гражданских войн», но от того не менее жестокая и кровопролитная (Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 111). А вскоре наступила очередь Речи Посполитой, пока еще не затронутой этим поветрием — в 1648 г. началась «Хмельниччина», быстро переросшая в опустошительную Тринадцатилетнюю войну между Россией и Речью Посполитой, и знаменитый «Потоп», едва не положивший конец существованию польско-литовского государства.

Кроме того, стоит отметить, что схожие события имели место и на другом конце Евразии. В Японии долгая эпоха междоусобиц в начале XVII в. заканчивается установлением режима Токугава, а в соседнем

Китае первая половина XVII в. — время глубочайшего социально-экономического и политического кризиса, приведшего к крушению династии Мин и установлению на территории Поднебесной правления новой, иноземной по происхождению династии Цин.

Связь между этими событиями представляется практически несомненной, и, лежащие на поверхности, они, несомненно, были следствием более глубоких, фундаментальных подвижек. Каких? Этот вопрос требует серьезных исследований, но, несомненно, к ним можно отнести и открытие Нового Света с началом эпохи Великих географических открытий и европейской колониальной экспансии, и смещение оси экономической жизни той же Европы из бассейна Средиземного моря на северо-запад (Там же. С. 19–21), «революцию цен» и «военную революцию», и начавшийся процесс утраты Востоком прежнего мирового лидерства, и многое, многое другое. «Крот истории» ускорил свою работу, а общий же итог ее очевиден — вторая половина XVI – первая половина XVII в. стали для Евразии своего рода осевым временем. Оно ознаменовалось серьезными политическими, экономическими, культурными, социальными и иными подвижками, которые стимулировали ускорение процессов смены/оттеснения на второй план общественно-политических, экономических и иных институтов, свойственных эпохе Средневековья, иными, характерными для эпохи Нового времени.

Ключевые слова: Евразия, позднее Средневековье, раннее Новое время, Смутное время

Information about the article:

Author: Penskoj, Vitaliy Viktorovich, Doctor in History, Belgorod state university, Belgorod, Russia, penskoy@bsu.edu.ru

Title: Russian Time of Troubles beginning of the XVII century. — A local phenomenon or part of a global process?

Summary: The author of this article suggests to look at Russian Trouble of the beginning of 17th century as on a link of grandiose historical process, «The Great Trouble». This process passed several waves and has retracted in their orbit practically all states and societies of Eurasia. Deep social and economic processes and the phenomena — opening of New World, the beginning of colonial expansion of the European states, revolution of the prices both military revolution and a number of others became the reasons of this of «The Great Trouble». It has led to sweeping changes in political, social and economic and a social system of the West European states finally. They have stepped over a boundary separating New time from the Middle Ages.

Key words: Eurasia, later Middle Ages, early New time, Time of Troubles